

ЕВГЕНИЙ ГАРШИН

ДЕТИ-КРЕСТОНОСЦЫ

Евгений Михайлович Гаршин

Дети-крестоносцы

Аннотация

«Лето 1212 года было в полном разгаре. Яркое солнце освещало долину близ небольшой извилистой речки в гористой местности графства Савойского во Франции. Крутые берега реки густо поросли колючим кустарником, среди которого торчали большие камни; а кое-где, на боле отлогих местах, зеленела трава. Несколько коз пощипывали её, другие карабкались по обрыву...»

Содержание

I. В глуши	4
II. Охота	9
III. В замке	11
IV. Маленькие воины	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Гаршин

Дети-крестоносцы

I. В глуши

Лето 1212 года было в полном разгаре. Яркое солнце освещало долину близ небольшой извилистой речки в гористой местности графства Савойского во Франции. Крутые берега реки густо поросли колючим кустарником, среди которого торчали большие камни; а кое-где, на боле отлогих местах, зеленела трава. Несколько коз пощипывали её, другие карабкались по обрыву. Здесь же, под ивой, широко раскинувшей ветви над водой, сидела девочка лет 12-ти изредка поглядывала, чтобы козы её не зашли слишком далеко. Козы эти составляли единственное богатство её старой бабушки, жившей неподалеку, в ветхой хижине. Трудно им было жить и невомоготу становилось перебиваться со дня на день. Об этом-то и размышляла теперь маленькая Николетта, возлагая все надежды на своего милого брата, Франциска. Ему было уже четырнадцать лет, и он служил пастухом у дяди Жозефа, богатого поселянина соседней деревни.

– Он добрый брат, – говорила себе Николетта; – надо только сказать ему, что мы уже третий день сидим без хлеба.

– Здравствуй, сестра! – вдруг услышала она его голос: пе-

ред нею стоял и сам Франциск.

Её чрезвычайно удивило появление брата: она знала, что он не имел привычки бросать стадо без призора. Она встревожилась тем более, когда заметила, что мальчик чем-то озабочен.

– Что с тобой? – спросила она. – Уж не случилось ли чего?

– Да, случилась беда: пропала телочка, и я не могу понять, куда она забежала.

– Это очень досадно! С тобой прежде никогда этого не бывало, Франсуа, и все говорят, что ты лучший пастух в окрестности.

– Да, был когда то! – печально промолвил Франциск, – да что об этом толковать! Скажи лучше, как вы с бабушкой поживаете?

– Тоже... Лучше уж не спрашивай. Скоро мы с бабушкой пойдем по миру. Ты знаешь, вся наша надежда была на сад. Да живём мы около самой дороги и огорожены плохо: на днях проходили крестоносцы, всё поломали, бездельники!..

– Не говори так о крестоносцах, – перебил её Франциск. – Ты забыла, что отец наш тоже в их числе.

– Правда; но я совсем его не помню. А жив ли он? Как ты думаешь?

– Уже лет двенадцать как о нём ни слуху, ни духу; мне почему-то кажется, что он не только жив, но что я отыщу его.

– Как! Ты хочешь идти в святую землю? – вскрикнула Николетта.

– И даже очень скоро, – отвечал Франциск. – У тебя, Николетта, только и думы, что о козах, да о вашем саде с бабушкой!

У Николетты блеснули слезы на глазах. Она хотела напомнить брату, что после ухода отца и скорой затем смерти матери бабушка обоих их выкормила и выходила; но, от волнения девочка ничего не могла сказать.

– Неужели ты ничего не слыхала про чудесного мальчика? Ведь о нём говорит вся Франция! – продолжал брат.

Николетта молчала и вопросительно глядела на Франциска.

– Ну, слушай, – сказал он. – Ты ведь знаешь, что гроб Христа в руках сарацин: они ведь не христиане, как мы, и мы должны отнять у них эту святую землю. И много уже нашего войска там погибло! И вот к дяде Жозефу пришёл вчера странник, святой старик! Он своими глазами видел мучения, какие терпят христиане от неверных; в молодости сам он сражался в рядах крестоносцев. «Но теперь князья и бароны уже не в силах победить сарацин, – говорит он. – И, если взрослые люди не достойны совершить святое дело, то Господу Богу угодно передать его в руки непорочных младенцев»... Так говорил святой отец, – продолжал Франциск; но дядя Жозеф страшно рассердился, начал бранить старика и велел ему как можно скорее уходить из села! Старец тотчас ушёл; а я захватил хлеба и сыра, побежал за ним и едва догнал его, уже на большой дороге. Но он не стал есть

моего хлеба и сыра; он сказал, что ничего не примет из рук людей, которые не хотят слушать слова Божьего. Я, все таки, спросил его, о каких младенцах он говорил дяде Жозефу. Старец и сказал мне... Слушай: далеко от нас, около города Вандома, живёт чудесный мальчик, по имени Стефан. Он пастух, как и я, но Господь явился ему в образе нищего, принял от него хлябь и вручил ему письмо на имя нашего короля. Король, однако ж, не исполнил того, что было ему велено в этом письме; и Стефан понял, что он сам призван спасти гроб Господень. Бог послал ему силу творить чудеса. Узнав об этом, со всех концов Франции двинулись к Стефану толпы детей... Он и видеть теперь своё войско к морю: Бог обещал ему, что море расступится, и дети-крестоносцы посуху перейдут в Святую землю.

– Нет, дорогой Франсуа, – ты не пойдешь за этим Стефаном, – воскликнула девочка, – я скажу бабушке...

– Ради Бога, молчи, или я забуду, что ты мне сестра.

Девочка закрыла лицо руками, чтоб брат не заметил её слезь; раздавшийся вдруг конский топот заставил детей обернуться: подъезжали двое всадников.

– Ну вот! – кричал младший из них, обращаясь к слуге. – Вечно распустят здесь своих коз! Мой конь чуть не упал, споткнувшись об эту тварь. И досталось же ей за это!

Всадники, переехав речку вброд, понеслись дальше; а Николетта и Франсуа бросились к одной из коз, у которой копыто коня переломило ногу. Пока Николетта её примачива-

ла и перевязывала, Франсуа собрался уходить.

– Прощай, Николетта, – сказал он, – мне всё-таки хочется отыскать телушку дяди Жозефа; я не могу уйти, оставшись перед ним в таком долгу!

– Так ты решительно уходишь? едва слышно проговорила Николетта.

– Прощай, прощай! – ответил, наскоро поцеловав её, Франциск; и взбежал на пригорок.

II. Охота

Юноша, переехав речку вброд, скакал к лесу, принадлежавшему старому графу, отцу его.

Мальчик горл нетерпением скорее приступить к охоте. Ему сегодня исполнилось четырнадцать лет, и в первый раз он получил позволение поохотиться на кабана; его сопровождал старый Бертольд, который заведовал в замке графской охотой. Сам же граф, страдая от раны, полученной в молодости во время одного из крестовых походов, никогда уже больше на охоту не ездил.

Подъехав к хижине полесовщика, молодой граф и Бертольд застали здесь ещё охотников и ловчих с собаками на смычках и сворах. Псаря спешили снять с гончих ошейники; соединившиеся пары весело прыгали и лаяли, но их скоро стали направлять на след.

Между тем, в ожидании минуты, когда зверь выбежит, молодой граф пожелал покушать, велел слугам достать привезенный ими завтрак, вино и принялся угощать как Бертольда, так и других охотников.

Только что они расположились, как поднялся протяжный лай собак, напавших на след зверя. Бертольд первый вскочил и живо взял в руки рогатину со стальным остриём, не отстал от него и граф; затем все, в порядке, определённом Бертольдом, заняли места на поляне, куда собаки вскоре выгнали ка-

бана. Вот он мчится, опустив рыло в землю и не замечая поджидавших его ловчих. Собаки, спущенные со свор, настигают его, норовят схватить его за уши. Окруженный со всех сторон вепрь прислонился к дереву и отчаянно защищался.

Молодой граф готов был сейчас же броситься на разъярённого зверя, но посмотрел на Бертольда: что он скажет... Старик подаёт знак и все сообща бросаются на кабана. И зверь вскоре падает убитый, успев, однако, сильно поранить Бертольда в ногу. А граф в восторге и, желая скорее возвратиться победителем домой, громко трубит сбор.

III. В замке

Не ранее вечера возвратился он в отцовский замок, стоявший на горе, вблизи города, которым старый граф управлял от имени короля. Графиня, нежно любящая мать, давно уже беспокоилась за молодого охотника; лишь только сын её вернулся, она велела позвать его к себе; и юноша не успел даже, как собирался, обойти насесты своих любимых соколов. Бодрый и довольный удачей, он почти вбежал в комнату матери, бросился ей на шею и поцелуями предупредил выговор, которого ожидал. Живому мальчику не сиделось спокойно под сводами гостиной, и глаза его быстро переходили от одного предмета на другой, останавливаясь то на последних лучах солнца, озарявших разноцветные стекла стрельчатого окна, то на резных украшениях громадных шкафов или на ликах святых, изображённых во весь рост. Вместе с тем, он вкратце рассказывал о своей утренней поездке: он знал, что его мать, любительница соколиной охоты, слушала неохотно о травле собаками такого опасного зверя, как кабан. Наконец, перебив сам себя, граф предложил матери сыграть с ним в шахматы.

– Нет, Анри, – отвечала она, – ты знаешь, я не очень люблю эту игру; а главное, я боюсь, что ты слишком её полюбишь...

– Нет, я редко играю, разве только с Жеромом, – робко

заметил сын.

– И, признаюсь, мне очень не нравится, что ты постоянно возишься с этим мужичонком; ведь он не что иное, как сын твоего конюха! Вспомни Россильона: он так полюбил сына одного из своих слуг, что сделал его самым близким своим другом. Мало того, он нашёл для него богатую жену, дал ему прекрасные поместья. И что же?! В конце концов, этот друг продал своего господина злейшим его врагам!

– А что, мама, как бы мне достигнуть славы Россильона? – спросил Анри, желая переменить предмет разговора.

– О, подражай только примеру славных наших рыцарей. Без них не взят бы был святой город Иерусалим, – отвечала мать.

Тем временем в комнату вошёл старый граф.

Жена и сын его не замечали: он стоял, между тем, неподалеку от них и любовался наследником своего древнего рода. В ранней молодости граф был уже раз женат и имел сына, но смерть унесла и сына и его мать; и уже в преклонных летах граф вступил во второй брак, от которого и родился Анри; понятно, что отец в нём души не чаял. При последних словах жены он нарушил молчание:

– Да, сказал он, через несколько лет ты будешь рыцарем, Анри, и достойным тебе образцом может служить именно храбрый Россильон. Как он честен и добр! Какой славный товарищ на войне, на охоте, за шахматной доской! Это прекрасная, чистая душа: для нуждающегося он брат, бедные

его благословляют...

— А я, папа, сегодня задавил, кажется, козу старухи, что живёт у брода, — сказал Анри, вспомнив о своей неосторожной скачке.

— И ничем не вознаградил её? Это очень дурно; завтра же свези ей денег. Бедняки должны видеть в тебе защитника и покровителя, а не терпеть унижения и неудобства от твоей забавы.

В эту минуту кто-то постучался в дверь. Старый граф вышел и сейчас же вернулся, с открытым письмом в руках. Дрожащим голосом приказал он своему сыну:

— Анри, сейчас же собирайся в путь и простись с матерью.

Мать с изумлением взглянула на мужа; не смея не только противоречить, но даже спросить о причине такого приказа, молча обняла она сына и зарыдала.

Полчаса спустя Анри с небольшою свитою и верным своим конюшим скакал по лесной дороге, несмотря на обступившую их со всех сторон ночную темноту. Лишь на следующее утро, отъехав уже на значительное расстояние от дома, он узнал, что едет к своему дяде епископу, в один из городов на реке Рейне.

IV. Маленькие воины

Франциск нашёл-таки телушку дяди Жозефа и мог теперь уйти из деревни с спокойною совестью. Он не смел ни с кем проститься; забравшись в хлев, он обнял голову любимой своей коровы, принявшей хладнокровно эту ласку; не забыл Франциск заглянуть и в конюшню, простился с лошадьми... Затем, погладив мохнатую спину своего лучшего друга, чёрного Медора, утирая кулаком лившиеся градом слезы и, сдерживая рыдания, мальчик пустился в путь.

На восток едва алели первые лучи рассвета.

Долго шёл он узкой горной тропинкой, боясь встретить кого-нибудь из знакомых поселян и только к полудню выбрался на большую дорогу. Осмотревшись, он заметил, что по пути, навстречу ему, двигалось густое облако пыли; предчувствие чего-то необычайного охватило мальчика. Немного погодя, он уже мог различить приближавшуюся толпу народа и в волнении воскликнул:

– Боже, благодарю Тебя! Ты прямо ведешь меня в ряды блаженного воинства!

Франциск не ошибся. Нестройными рядами приближались юные крестоносцы.

Город был уже не далеко; ввиду этого полчище приведено было в некоторый порядок и, следующее зрелище представилось глазам Франциска. Впереди всех шли попарно

двенадцать мальчиков и столько же девочек в белых одеждах, с нашитым на плече красным крестом; за ними следовало духовенство в полном облачении; наконец показалась запряженная четырьмя мулами колесница, увешанная коврами; четыре всадника ехали по углам её, а четыреста пеших монахов и странников, с посохами в руках, в ризах с капюшонами, окружали колесницу со всех сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.